

Anna RUDYKInstytut Filologii Rosyjskiej
Uniwersytet Rzeszowski

**ОБРАЩЕНИЕ В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ М. НУРОВСКОЙ
ROSZYJSKI KOCHANEK ПО СРАВНЕНИЮ
С РУССКИМ ТЕКСТОМ)**

Ключевые слова: обращение, переводные эквиваленты, польский язык, русский язык

Обращения являются языковыми показателями межличностных отношений, соединяющих членов определенной общественной группы. Их функции раскрываются в данной речевой ситуации как результативная сила различных факторов, таких как языковые средства, применяемые собеседниками, интенция говорящего или контекст. В синтаксическом отношении обращение не вступает в грамматические связи с другими словами в предложении, что очевидно с точки зрения прагмалингвистики, так как оно рассматривается как самостоятельный речевой акт с иллокуцией призыва. По Н.И. Формановской, суть обращения раскрывается следующим образом:

„Здесь – сейчас – я – тебя – (Вас) вас (имея мотив и цель включиться в контакт) зову, называя (в избранной социостилистической тональности)” (Формановская 2000: 86).

В настоящей статье мы рассмотрим разные типы адресатных форм, отобранных из книги Марии Нуровской *Roszyjski kochanek* и ее русского перевода. Выбор источника фактического материала оправдан тем, что интересным вопросом нам показалась стилизация речи героев-иностранцев, одним из элементов которой являются именно обращения.

Отобранные примеры мы решили разделить на несколько групп, их количественная характеристика представлена в нижеприведенной таблице.

Таблица 1. Количественная характеристика фактического материала

Средства выражения обращений	Количество примеров в собранном материале	% собранного материала
личные имена	49	55,1%
термины родства	26	29,2%
другие названия людей	1	1,1%
экспрессивная лексика	11	12,4%
звательный-междометие	2	2,2%
Всего	89	100%

Самой большой и разнообразной является группа личных имен, представляющая собой свыше половины всех собранных примеров. В ее пределах можно выделить:

1) личные имена в полной форме, напр.:

- [1] – *To są przyjaciele, **Julio**. Im można powiedzieć wszystko.*
– *Это ведь друзья, **Юлия**. Им можно говорить все.*
- [2] – ***Julio**, kocham cię taką, jaka jesteś.*
– ***Юлия**, я люблю тебя такой, какая ты есть.*
- [3] – ***Julio**, proszę cię...*
– ***Юлия**, пожалуйста, прошу тебя...*
- [4] – *Niech pani nie próbuje być złośliwa, **Julio**, bo pani tego nie potrafi.*
– *И не пытайтесь ехидничать, **Юлия**, вы этого не умеете делать.*
- [5] – ***Sergio**, niech pan przyniesie kieliszek i napije się z nami!*
– ***Серджио**, принесите бокал и выпейте с нами!*

В исследуемом материале полные формы личных имен употребляются в звательном падеже. В переводе, конечно, в именительном. Форму иноязычного имени в примере [5] можно считать синкретичной.

2) личные имена в уменьшительной форме:

- в звательном падеже, напр.:

- [6] – *Nie uważasz, **Nadiu**, że pani Julia ma fatalną fryzurę? – usłyszałam i wszystko we mnie zdrętwiało.*
– *Тебе не кажется, **Надя**, что у пани Юлии ужасная прическа? – вдруг услышала я – и вся похолодела внутри. Są 3 osoby, więc ZA wskazuje, к кому обращаются с вопросом*
- [7] – ***Nadiu**, proszę zdjąć płaszcz – powiedziałam zdecydowanym głosem. – Musimy coś zjeść!*
– ***Надя**, прошу вас, снимите плащ, – сказала я решительным голосом. – Нам надо что-нибудь поесть.*

[8] – *Katju, chociaż raz należałoby pójść do „Folies-Bergere”, ty tam już byłaś, a Ewa nie.*

– *Катенька, один раз стоит посетить этот клуб, тем более, Эва там никогда не была, это ты у нас старожил...*

В польском языке форма звательного падежа при обращении является более старательной и вежливой, но не обязательной. Реплики [7] и [8] представляют собой высказывания женщины, работающей профессором в Сорбонне, поэтому более старательная речь в какой-то степени составляет образ героини. Уменьшительная форма, которую, по предположениям Петра Червинского, мы считаем обиходно-нейтральной, она используется как основная при обращении к младшему или достаточно близкому человеку, с которым установился непосредственный и открытый контакт. „Форма эта в первую очередь предполагает обращение на *ты* и может быть охарактеризована как домашняя, семейная или дружеская” (Червинский 2012: 7). В примерах [6] и [8] между собеседниками установились *ты-отношения*, в переводе последней из них уменьшительно-ласкательная форма. В экзemplификации [7] уменьшительная форма имени используется при обращении пятидесятилетней женщины к соседке, которая значительно младше, причем, интересно, что между ними нет отношений на *ты*. Старший по возрасту употребляет такую форму обращения, как нам кажется, с целью подчеркнуть дружеские отношения.

- в именительном падеже, напр.:

[9] – *Co ty opowiadasz, Sasza – wtrąciła Nadia. – Chyba się upileś.*

– *Что ты несешь, Саша, – вмешалась Надя. – Ты, наверное, слегка перебрал.*

[10] – *A co ja zjem, Saszeńka? – wtrąciła się Nadia.*

– *А что мне заказать, Сашенька? – спросила Надя.*

[11] – *Już, już, Aloszeńka, już idę. Tylko wstawię naczynia do zlewu, żeby koty nie potłukły.*

– *Сейчас-сейчас, Алешенька, уже бегу. Только поставлю грязную посуду в раковину, чтоб кошки не разбили.*

[12] – *Widzisz, Aloszeńka, że Paryż to jest Paryż... Tu się oddycha...*

– *Ты только посмотри, Алеша, эх, Париж – это Париж... Здесь вольно дышится...*

[13] – *A twoi nie, Maszeńka?*

– *А разве они и не твои тоже, Машенька?*

В приведенных репликах исходного текста применяются исключительно русские имена в полонизированной форме. Согласно грамматическим правилам, их можно склонять по польским парадигмам (Doroszewski 1980:

213), однако обращение в форме звательного падежа не обязательно. Деми-нутивные суффиксы сокращают расстояние между собеседниками, их использованию способствует прежде всего наличие положительных эмоций (Минцис, <http>).

3) сочетания личного имени с гонорификативными местоимениями *pan/pani*:

[14] – *Ślicznie – powiedziała Nadia. – Ślicznie pani wygląda, **pani Julia**, no całkiem nie ta sama...*

– Великолепно, – сказала Надя. – Вы замечательно выглядите, **пани Юлия**, совсем переменились...

[15] – **Panie Aleksandrze**, skąd pan zna ten film *Do utraty tchu!* To przecież czasy mojej młodości. [...]

– Скажите, **Александр**, откуда вы знаете этот фильм «На последнем дыхании»? Это ведь кино моей молодости. [...]

В собранном материале мы обнаружили всего 4 примера сочетаний личного имени с *pan/pani* в функции обращения, во всех имеются их полные формы. По нашему мнению, интересным является грамматический статус этих лексем – это ведь не только существительные в функции обращения, но также местоимения 2 лица, которые синтаксически сочетаются с глаголами в 3 лице единственного числа¹. Уместно сказать, что в анализируемых сочетаниях польские личные имена должны всегда употребляться в звательном падеже, так как слова *pan/pani* выполняют в данных словосочетаниях роль приложений, а согласно теоретическим положениям, если личному имени предшествует определение, такое имя должно обязательно приобрести звательную форму (Bańko 2006: 103–104). Именно поэтому очень интересным показался нам пример [14], так как в обращении *pani Julia* личное имя, конечно, в именительном падеже, однако такой прием имеет целью стилизацию речи говорящего – это русская девушка, а ведь в русском звательного падежа нет. Во втором приведенном примере [15] в качестве эквивалента применяется не калькированная форма, а само личное имя. В данном случае обращение имеет форму, свойственную *ты*-общению, зато глаголы в дальнейшей части высказывания употреблены в форме множественного числа, т.е. в типичной при русском обращении по имени и отчеству. Такой конструкцией пользуются иногда вышестоящие при обращении к нижестоящим.

4) личное имя со словом *pan/pani* и добавочным определением:

[16] – *Nie milczałem, **droga pani Julio**, nie milczałem – odpowiedział mi głośno.*

– А я не молчал, **уважаемая пани Юлия**, не молчал, – громко сказал он.

¹ Эта проблема подробно рассматривалась Мареком Лазинским (Łaziński 2006).

Перевод обращения оказывается точным, причем следует помнить о том, что такое выражение не свойственно нейтральной русской речи, так как закономерным для установленных отношений является имя и отчество. Однако патронимы не употребляются носителями польского языка.

5) имя и отчество:

[17] – *Co słysząc, Anno Pietrowno, jak tam zakupy, udane?*

– *Как поживаете, Анна Петровна? Как покупки, удачно отоварились?*

[18] – *Nino Siergiejewno – zwrócił się do niej po rosyjsku Aleksander – przyprowadziłem swoją damę i chcę jej sprezentować jakiś stary klejnot.*

– *Нина Сергеевна, – обратился к ней по-русски Саши, – привел к вам свою даму, хочу купить ей в подарок что-нибудь из старинных украшений.*

[19] – *Nadieżdo Iwanowna, Nadiu – wtrąciła się Katia – niech pani się nie upiera, niech pani ze mną pojedzie. Przecież pani widzi, że Sasza jest teraz z inną kobietą... Może pani u nas побыć jakiś czas, odpocząć po podróży, zajmiemy się panią z moim mężem, wybierzemy na wycieczkę.*

– *Надежда Ивановна, Надя, – вмешалась в разговор Катя, – не упряжьтесь, поехали со мной. Вы ведь видите, у Саши – другая женщина... Можете пожить у нас какое-то время, отдохнуть после долгого путешествия, мы с моим мужем займемся вами – поедем куда-нибудь на экскурсию. Покажем вам замки Луары и...*

Русское имя и отчество является особенно интересной, национально специфичной формой обращения к знакомому человеку (Формановская 1989: 107). Такие адресатные формы не употребляются, конечно, в польской речи, однако в произведении, героями которого являются русские, эти обращения представляют собой средство стилизации речи персонажей, приехавших в Париж из России. Очень интересен, по нашему мнению, последний из вышеприведенных примеров [19], в котором обращение в основном содержит в себе две разные формы личного имени: *имя и отчество* и обиходно-нейтральный вариант. С речью обращаются к молодой женщине, оказавшейся в трудной жизненной ситуации. Приехав к мужчине из Москвы в Париж, она узнает, что он влюблен в другую, и вместе с ней живет. Как утверждают психологи, *вы-общение* предполагает определенную дистанцию между собеседниками, зато *ты-общение* носит более близкий, более личностный характер (*Стоит ли...*, [http](http://)). Употребление уменьшительной формы имени в данной реплике можно, как нам кажется, признать средством увеличения иллюкутивной силы речевого акта утешения, суть которого состоит в отвлечении внимания девушки от неприятных дел. Интересным является еще один вопрос: в польских примерах [17] и [18] звательную форму образуют не только женские имена, но также отчества, что

является ошибкой с точки зрения польской грамматики². Повторяющееся явление трудно считать опечаткой, однако невозможно сказать, является ли такая гиперкорректность оплошностью самой писательницы или результатом работы редакторов польского издания³.

Следующей группой обращений, которую мы выявили в собранном материале, являются термины родства. Несмотря на то, что она составляет около 30% всех примеров, она не разнообразна – всего две лексические единицы. Сравним примеры:

[20] – *Dlaczego nigdy nie malujesz paznokci, **tamo**? – spytała mnie kiedyś Ewa.*
– *Почему ты никогда не красишь ногти, **мама**? – спросила как-то Эва.*

[21] – *Cieszę się, że tu mieszkasz, **tamo**.*
– *Я так рада, **мамочка**, что ты живешь здесь.*

[22] – *Ja nie żartuję, **tamo** – odparła zimno.*
– *Я не шучу, **мама**, – холодно возразила она.*

[23] – ***Wuju**, jest koniec dwudziestego wieku, a nie osiemnastego czy nawet dziewiętnastego, niech wuj o tym nie zapomina!*
– *Дядя, на дворе конец двадцатого века, а не восемнадцатый и даже не девятнадцатый, лучше бы тебе об этом не забывать!*

Термины родства активно используются в речи, выполняя особую функцию называния лиц, с которыми мы, как правило, общаемся в неофициальной ситуации (Николенко 2015: 129). Во всех обнаруженных примерах польские термины родства переводятся при помощи словарных эквивалентов – употребление этих наименований в качестве средства адресации представителями младшего поколения по отношению к старшим в обоих языках является закономерным (Rudyk 2017: 70). Очевидное различие состоит в применении русского именительного вместо польского звательного падежа. Вышеприведенные примеры показывают универсальность наименований родства: такой же вариант лексемы применяется в высказывании со значением похвалы (*masz ładne ręce* / *у тебя красивые руки*) [20], и в сопровождающем невербальные действия, указывающие на неприятные ощущения (*odparła zimno* / *холодно возразила она*) [22]. Наличие производной формы *мамочка* можно связывать с выражением положительной эмоции радости, испытываемой говорящим, отражающейся посредственно именно в категории деминутивности.

² Ср.: „Powinno być podobnie jak w wypadku polskich nazwisk typu *Illakowiczówna*, to znaczy: D. Marii Pawłowny, CMs. Marii Pawłownie, B. Marię Pawłownę, N. Marią Pawłowną, W. Mario Pawłowna” (Grzenia, [http](http://)).

³ Ср. работы М. Бахан-Колодзейской (Bachan-Kołodziejska 2018).

Отдельную группу составляет обращение, которое указывает на ученую степень адресата. Сравним:

- [24] – **Panie profesorze**, przecież badanie nie wykazało raka...
– **Господин профессор**, ведь анализ не выявил рак...

Бывает, что в определенной профессиональной среде, чтобы избежать нарушения правил речевого этикета, требуется обращение, включающее наряду со словом *pan/pani* должность или ученую степень адресата речи. Точным эквивалентом такого можно посчитать выделенную русскую форму, так как слова *господин* и *госпожа* нельзя употреблять в обращении без фамилии или должности.

„Экспрессивные обращения не только называют адресата речи, но отражают также чувства и эмоции, испытываемые говорящим” (Rudyk 2016: 83). Эмоционально окрашенные адресатные формы составляют небольшую (12,4% примеров), но довольно разнообразную группу в собранном фактическом материале. Во-первых, их надо разделить на единицы, которые можно соотнести с приятными и с неприятными переживаниями говорящего. Мы начнем с анализа обращений, которым присуща положительная эмоциональная окраска и обнаруживается одобрительное отношение к адресату или приятное внутреннее состояние говорящего. Рассмотрим несколько примеров:

- [25] – *Tak, tak, **droga moja** – zwrócił się do mnie pan Dymitr – wiatr historii rzucił nas w różne strony świata jak niepotrzebne śmieci. [...]*
– *Так-то, **моя дорогая**, – обратился ко мне дядя Дмитрий, – ветер истории разметал нас, как ненужные мусорные бумажки, по всему белу свету. [...]*
- [26] – *Gdzie tak chodzisz po nocy, **mila**? – spytał mnie za którymś razem Aleksander. Śmiał się, ale w jego pytaniu krył się niepokój.*
– *Куда ты уходишь по ночам, **милая**? – спросил меня как-то Александр. Спросил, смеясь, но в его вопросе чувствовалось беспокойство.*
- [27] – *Nie szukałem cię, **mila**. To wszystko pozory. Sępy pojawią się w odpowiednim czasie.*
– *У меня и в мыслях не было – обманывать тебя. Все это только видимость. Стервятники явятся в свой час.*
- [28] – *Pij do dna, **moja mila**, bo życie jest krótkie.*
– *Пей до дна, **моя дорогая**, ибо жизнь ужасно коротка⁴.*
- [29] *Pamiętam taki moment, kiedy w trakcie dyskusji przychylił się do mnie chudy jak tyczka mężczyzna, podobno zasłużony profesor [...] i dotykając mojej ręki stwierdził:*
– ***Mileńka moja**, w tym wypadku nie ma pani racji...*

⁴ Примеры [28], [29], [30], [31] анализируются и в другой статье автора: *Обращение в польском и русском языках (на материале книги Мариш Нуровской Rosyjski kochanek)* (в печати).

Taki zwrot w oficjalnej dyskusji zaskakiwał, ale i rozbrajał.

*Помню, в разгар дискуссии ко мне склонился худой как жердь мужчина, весь-
ма известный профессор [...] и, коснувшись моей руки, сказал:*

– Милочка моя, вот тут вы неправы...

*Такая фамильярность в официальной дискуссии поражала, но одновременно
и обезоруживала.*

Польские обращения выражаются субстантивированными прилагательными (*droga, miła, mileńka*), иногда вместе со словом *moja*, что соответствует некоторому образцу, так как это притяжательное местоимение часто включается в структуру адресатных форм, выполняя разные прагматические функции. Как пишут Мирослав Банько и Агнешка Зыгмунт, они „Łagodzą określenia, które mogłyby ranić, wzmacniają intymny charakter tych, które już same są intymne. Zamiast *Głupku* ktoś mówi łagodnym głosem *Głupku mój* i to zmienia postać rzeczy. Mówi *mój*, a więc uważa cię za swego, akceptuje cię takim, jakim jesteś” (Bańko, Zygmunt 2011: 66). В большинстве русских предложений перевод буквальный, в одном примере [27] он неточный, обращение пропускается, однако, по нашему мнению, особая тональность предложения, образуемая наличием экспрессивной адресатной формы, отражается в целевом тексте в более „изысканных” словах, что можно посчитать некой компенсацией. Что касается последнего из приведенных примеров [29], польское и русское обращения не совпадают по морфологическим признакам (польское *mileńka* – это имя прилагательное, русское *милочка* – существительное), но это в принципе маловажно, потому что обе лексемы применяются в качестве фамильярно-ласковых адресатных форм. Если рассмотреть словарные толкования русской лексемы в функции обращения:

- ‘Употр. как фамильярно-ласковое обращение (обычно – к женщине, реже – к мужчине)’ (НСРЯ);
- ‘м. и ж. Ласковое обращение (преимущественно к женщине)’ (СРЯ);
- ‘(в обращении). Фам. О ком-л., к кому говорящий относится несколько снисходительно или свысока в силу своего положения, возраста и т.п.’ (БТСРЯ), можно отметить, что употребление такого наименования влечет за собой информацию об определенном отношении говорящего к собеседнику. Интересно, что последнее из приведенных толкований исключительно подходит к данной ситуации, потому что опытный профессор обращается с речью к девушке, которая находится в самом начале своего научного пути – ласковые отношения фиксируются со снисходительностью.

Рассмотрим еще примеры обращений, сопровождающие негативные эмоции:

[30] – *Gdzie ty byłaś? – pytał ją dziadek. – Czy chcesz, aby zaczęli wytykać nas palcami, aby dziecko nie miało spokoju w szkole? Opanuj się, **kobieto**. Przestań tam wreszcie chodzić. [...]*

– *Где ты была? – спрашивал дедушка. – Ты хочешь, чтобы в нас тыкали пальцами, чтобы девочке не давали прохода в школе? Очнись, **женицина**. Прекрати к нему бегать. [...]*

[31] *Dziadek zrobił krok, ale zauważyła to, cofnęła się i oparła plecami o ścianę. Z bardzo daleka dobiegł jej głos:*

– *Nie podchodź, ty... **ty dozorca**...*

Дед шагнул в ее направлении, но мама быстро отпрянула, вжавшись в стену. Ее голос долетал до меня будто издалека.

– *Не приближайся ко мне... ты... ты... **надсмотрщик**...*

Несмотря на то, что выделенные слова относятся к общеупотребительной лексике и вне контекста не имеют отрицательного значения, ср.: *kobieta* ‘dorosła osoba płci żeńskiej [...] kobietą jakiegoś mężczyzny możemy nazywać jego żonę lub kochankę’ (ISJP) / *женицина* ‘1. Лицо, противоположное по полу мужчине. 2. Лицо женского пола как воплощение свойств, качеств этого пола. 3. Лицо женского пола, состоящее или состоявшее в браке’ (НСРЯ); *dozorca* ‘1 osoba utrzymująca porządek w budynku mieszkalnym i wokół niego [...] osoba pilnująca jakiegoś obiektu lub ludzi, np. więźniów’ (ISJP) / *надсмотрщик* ‘Тот, кто надзирает за кем-л., чем-л.’ (НСРЯ), в определенной обстановке они становятся оскорбительными. В примере [30] обращение применяется отцом к взрослой, имеющей ребенка в школьном возрасте, дочери. У нее любовный романс с мужчиной, который значительно моложе, что не нравится говорящему, считающему, что такое поведение позорит всю семью. Эмоциональный характер высказывания, косвенно выражающего упрек, подчеркивается риторическими вопросами (*Gdzie ty byłaś? / Где ты была?*; *Czy chcesz, aby zaczęli wytykać nas palcami, aby dziecko nie miało spokoju w szkole? / Ты хочешь, чтобы в нас тыкали пальцами, чтобы девочке не давали прохода в школе?*) и именно несвойственным данным отношениям обращением (в отношении *rodzители* → *дети*, в том числе взрослые, самой типичной адресатной формой является личное имя). Обращение в примере [31] употребляется, что интересно, в обратном направлении, примененные на письме многоточия дают основу предполагать, что говорящий в своем волнении ищет подходящее слово, которым оказывается именно наименование *dozorca/надсмотрщик*, не имеющее с виду отрицательной окраски, так как обозначает профессию, может быть, не очень престижную, но слова обоих языков относятся к нейтральному пласту лексики. Однако в определенной ситуации лексема насыщена обидой, упреком, разочарованием, вызванными чрезмерным интересом отца к личной жизни взрослой дочери. По нашему мнению, предшествующее польскому *dozorco*

личное местоимение *ty* следует включить в состав обращения, так как в польском языке можно выделить некоторую схему (*ty* + *оскорбительное обращение*), напр.: *ty idioto, ty baranie, ty kłamczuchu*⁵. Это отражается и на письме. Сравним: *ty... ty dozorco...* / *ты... ты... надсмотрщик...*. В отличие от исходного текста, в русском переводе местоимение второго лица и адресатная форма разделяются многоточием.

Очень интересным показался нам следующий пример:

[32] – *Będę cię niósł – powiedział ze śmiechem – a raczej będę z tobą biegł, skoro tak ci na tym zależy!*

– *Nic nie rozumiałeś! – broniłam się.*

– *Zrozumiałem więcej niż myślisz, ty głupia babo!*

– *Я понесу тебя на руках, – сказал он, смеясь. – А лучше прямо с тобой побегу, если уж тебе так хочется побегать!*

– *Ты ничего не понял! – брыкалась я.*

– *Понял, и даже больше, чем ты думаешь, глупая ты баба!*

Обращение *ty głupia babo* / *глупая ты баба* вне контекста однозначно являлось бы оскорбительным. Однако более обширный фрагмент текста приводится, чтобы подробнее представить ситуацию, в которой употребляется такая форма. По нашему мнению, она является элементом языковой игры влюбленных, что может оправдаться информацией о физической близости собеседников (*Będę cię niósł* / *Я понесу тебя на руках*) и паралингвистическом поведении, указывающем на испытываемые положительные эмоции (*powiedział ze śmiechem* / *сказал он, смеясь*). Заметно, что в отличие от предыдущего примера [31] личное местоимение второго лица включается в структуру обращения в обоих языках, поэтому анализ польских адресатных форм, построенных по такой схеме, по сравнению с русскими переводными эквивалентами кажется нам тем более целесообразным. Как было сказано раньше, к таким обращениям относятся лишь наименования с отрицательной окраской, однако, как видно, их прагматика может включать не только ситуации, связанные с неприятными ощущениями или негативной оценкой.

Последнюю группу обращений, выделенную в фактическом материале, мы определили как *звательный-междометие*. Рассмотрим пример:

[33] – *Boże!*

– *O боже!*

Бывшие обращения из религиозной сферы, сохранившие в русском языке звательную форму (что ведь является основной предпосылкой, чтобы

⁵ Взаимоотношение таких обращений и способа их отражения в русском переводе будет анализироваться в отдельной работе. Пока уместно отметить, что такая схема реализуется экспрессивными обращениями с отрицательной эмоциональной окраской.

отнести их к обращениям вообще), можно сказать, „передвинулись” в категорию вторичных междометий. Бывает, что они употребляются в адресативной функции, например, в молитве, но, согласно словарю, они используются, если кто-то хочет подчеркнуть свои слова или ощущает раздражение, взволнованность⁶.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Наиболее частой формой реализации обращения в собранном материале является личное имя, которое, в зависимости от установленных между собеседниками отношений, может применяться в полной или уменьшительной форме. Имеющиеся в польском тексте обращения *имя и отчество* являются элементом стилизации речи героев-иностранцев, которая, по очевидным причинам, утрачивается в переводе.

2. В большинстве случаев польские обращения переводятся буквально, сохраняя стилистическую тональность или эмоциональную окраску оригинала. Функцию польской звательной формы в русском языке выполняет, как правило, именительный падеж.

3. В тексте, являющемся источником фактического материала, обращение оказывается важным компонентом стилизации речи персонажей-иностранцев. Это прежде всего отражается в наличии русской национально-специфичной формы обращения к знакомому человеку через употребление конструкции *имя и отчество* в польском тексте. Следующим способом является употребление в оригинале в высказываниях русской девушки адресатной формы *pani* + личное имя в именительном падеже, не соответствующей польской конструкции с обязательным применением звательного падежа.

Библиография

- Минцис Ю.Б., 2014, *Реализация прагматического компонента значения деминутивности*, [online] „Univsum: филология и искусствоведение”, № 1 (3), docs.google.com/viewer?url=http://7univsum.com/pdf/philology/1(3)/Mintsys.pdf, [15.09.2016].
- Николенко О.Ю., 2015, *К вопросу о разграничении синонимии и формальной вариативности наименований родства*, „Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика”, № 3, с. 129–137.
- Стоит ли переходить с коллегой на «ты»? Все о субординации в офисе*, [online] <https://www.superjob.ru/pro/5155/>, [30.10.2018].
- Формановская Н.И., 2000, *Обращение с точки зрения коммуникативно-прагматического подхода* [в:] ее же, *Речевое общение (Теоретические и прикладные аспекты речевого общения)*, вып. 3, Красноярск 2000, с. 86.

⁶ Ср.: „Niektóre osoby mówią „Boże”, „o Boże”, „mój Boże”, „Boże drogi” [...], kiedy chcą podkreślić swoje słowa lub kiedy są czymś wzruszone, podniecone lub zdenerwowane (ISJP, 119).

- Формановская Н.И., 1989, *Речевой этикет и культура общения*, Москва.
- Червинский П., 2012, *Формы личных имен русского речевого употребления. Обиходно-нейтральные образования и некоторые их производные*, Katowice.
- Bachan-Kolodziejska M., *Избранные трудности перевода в книге М. Нуровской Мой русский любовник*, Nowy Sącz (в печати).
- Bańko M. (red.), 2006, *Polszczyzna na co dzień*, Warszawa.
- Bańko M., Zygmunt A., 2011, *Czułe słówka. Słownik afektonimów*, Warszawa.
- Doroszewski W. (red.), 1980, *Słownik poprawnej polszczyzny*, Warszawa.
- Grzenia J., [online] <https://sjp.pwn.pl/poradnia/haslo/odmiana-rosyjskich-nazw-zenskich>; 103 58.html, [30.10.2018].
- Łaziński M., 2006, *O paniach i panach. Polskie rzeczowniki tytułowe i ich asymetria rodzajowo-płciowa*, Warszawa.
- Rudyk A., 2016, *Экспрессивные обращения в структуре речевых актов просьбы, благодарности и извинения (на примере польского и русского языков)* [в:] *Русский язык в интеркультурном пространстве*, red. Z. Czapiga, A. Stasienko, Rzeszów, s. 80–92.
- Rudyk A., 2017, *Русские переводные соответствия польских обращений, выраженных терминами родства*, „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Rzeszowskiego”. Seria Filologiczna. Glottodydaktyka 9. Zeszyt 96, s. 64–72.

Принятые сокращения

- БТСРЯ – Кузнецов С.А., *Большой толковый словарь русского языка*, [online] www.udarenieru.ru [20.11.2018]
- НСРЯ – Ефремова Т.Ф., 2000, *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*, Москва, [online] www.udarenieru.ru [20.11.2018]
- СРЯ – Евгеньева А.П. (ред.), 1999, *Словарь русского языка: в 4-х т.*, Москва, [online] www.udarenieru.ru [20.11.2018]
- ISJP – Bańko M. (red.), 2000, *Inny słownik języka polskiego*, Warszawa

ADDRESSATIVE FORMS IN TRANSLATION (BASED TO THE MATERIAL FROM MARIA NUROWSKA'S BOOK *ROSYJSKI KOCHANIEK* COMPARING TO THE RUSSIAN TEXT)

Summary

Addressative forms are the linguistic exponents of interpersonal relations between members of a specific social group. The research material consists of replicas containing addressative forms, excerpted from M. Nurowska's book entitled: “Rosyjski kochanek” and from its Russian translation. An interesting issue in our opinion is the stylistic variation of the spoken expression used by the foreign-language characters, including such important elements as the phases used towards the addressee. Among the collected examples we can distinguish several groups, such as proper names, first name and patronym, as well as terms of kinship.

Key words: addressative forms, translational equivalents, Polish language, Russian language